R 6
354

АРАПЪ ПЕТРА I-го
и
КАЛМЫКЪ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

—

Императорская Публичная Библіотека недавно пріобрѣла два портрета, которые, въ настоящее время, сдѣлались такою рѣдкостью, что врядъ-ли еще можно достать другіе ихъ экземпляры. Но они кажутся намъ любопытны не потому только, что чрезвычайно-рѣдки: мы полагаемъ, что будетъ кстати сказать о нихъ нѣсколько словъ, какъ о портретахъ двухъ человѣкъ, странною игрою случая занесенныхъ, въ прошломъ вѣкѣ, съ Востока въ Россію, и участь которыхъ сложилась, послѣ того, совершенно-неожиданнымъ, необыкновеннымъ образомъ.

Одинъ изъ нихъ — арапъ Ибрагимъ, предокъ Пушкина, любимецъ Петра Великаго, другой—Ѳедоръ-калмыкъ, прекрасный живописецъ и отличный гравёръ временъ Екатерины II.

Біографію предка своего разсказываетъ намъ самъ Пушкинъ, въ «Запискахъ» своихъ; матері-

354

аломъ къ тому служила ему рукописная біографія на нѣмецкомъ языкѣ, до-сихъ-поръ уцѣлѣвшая въ семействѣ Пушкиныхъ. «Дѣдъ матери моей, (говоритъ Пушкинъ), былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагалъ за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года, Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ; потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу.» Въ 1722 году онъ возвратился въ Россію, при Петрѣ II посланъ (уже майоромъ) въ Сибирь, съ порученіемъ измѣрить китайскую стѣну — это порученіе далъ ему Меньшиковъ, боявшійся вліянія его на молодаго императора; возвратясь въ Россію,во-время тогдашнихъ придворныхъ переворотовъ, онъ около десяти лѣтъ прожилъ близъ Ревеля, въ поминутномъ безпокойствѣ, и успокоился лишь при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы, которая

2007043274

призвала его ко двору и дала ему нѣсколько чиновъ и огромное имѣніе. Онъ вышелъ въ отставку генерал-аншефомъ, при Петрѣ III, и умеръ въ 1781 году, 93 лѣтъ отъ роду.

На портретѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, имени арапа ненаписано, но всѣ подробности совершенно-согласны съ біографическими подробностями, сообщенными Пушкинымъ. Портретъ Ибрагима Ганнибала помѣщенъ на небольшой гравюрѣ, въ листъ, дѣланной извѣстнымъ граверомъ Петра Великаго, голландцемъ Шхонебекомъ. На ней представленъ Петръ I, во весь ростъ, въ богатомъ шитомъ кафтанѣ, поверхъ котораго, на груди, надѣта кираса, на плеча наброшена горностаевая мантія. На головѣ у Петра огромный алонжевый парикъ, съ длинными, вьющимися локонами и толстой косой, кончающейся узломъ и спускающейся почти до-пояса. Поверхъ парика большая испанская шляпа, съ цѣлымъ лѣсомъ перьевъ. Станъ опоясанъ кушакомъ, съ богатымъ шитьемъ, а въ правой рукѣ Петръ держитъ скипетръ, упирающійся о край стола, покрытаго великолѣпнымъ узорчатымъ ковромъ; тутъ-же на столѣ, на подушкѣ, лежатъ корона и держава. Изъ-за балюстрады, позади Петра, видно открытое море, на которомъ флотъ бомбардируетъ крѣпость, стоящую на крутой скалѣ.

Если исключить шитье на кафтанѣ, парикъ и шляпу съ перьями—все остальное довольно-обыкновенно, все это можно встрѣтить на множествѣ другихъ портретовъ, столько же посредственныхъ

и мало-похожихъ, какъ и этотъ. Геройская поза, морское или сухопутное сраженіе въ фонѣ, малое сходство—на это можно наглядѣться въ нѣсколькихъ сотняхъ и другихъ портретовъ Петра; надпись внизу: *Петръ Первый императоръ—Присноприбавитель, царь и самодержецъ всероссійскій* — тоже не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: она повторена слово-въ-слово на множествѣ другихъ гравюръ. Но чего нигдѣ болѣе нѣтъ, чего никогда мы не встрѣчали — это изображеніе молодаго арапа, стоящаго позади Петра, и какъ-бы выглядывающаго изъ-за праваго его плеча. Видна только чорная, курчавая его голова, со сверкающими бѣлками глазъ и толстыми губами, и еще — часть его кафтана, на груди; все остальное закрываетъ фигура Петра I. Изъ гравюры нашей узнаемъ мы еще одну только подробность — именно то, что ростомъ арапъ Ибрагимъ былъ значительно-ниже великаго своего крестнаго отца: онъ едва-едва приходился ему выше плеча.

Мудрено повѣрить совершенному сходству Ибрагима, коль-скоро и лицо самого Петра I вышло у гравёра несовсѣмъ-то удовлетворительно, однакожъ, нельзя сказать, чтобъ царь былъ совсѣмъ непохожъ: многое напоминаетъ портретъ, писанный Кнеллеромъ, въ 1697 году, и находящійся нынѣ въ Гамптон-Кортѣ, близъ Лондона (съ него сдѣлано множество гравированныхъ копій): значитъ, мы имѣемъ право заключать, что и въ лицѣ Ибрагима Ганнибала художникъ успѣлъ схватить хотя нѣкоторыя черты сходства. Но, во-всякомъ-

случаѣ, много ли, мало ли въ немъ сходства — это, до-сихъ-поръ, единственное изображеніе того знаменитаго арапа, отъ котораго произошелъ Пушкинъ и котораго вся Россія знаетъ изъ неконченнаго Пушкинымъ романа.

Но почему же это тотъ самый арапъ? спросятъ читатели. Самъ портретъ представляетъ тому доказательства. Подъ гравюрою подписано: *По повелѣнію его царскаго величества грыдоровалъ* (т.-е. гравировалъ) *Адріанъ Шхонебекъ*. Этимъ уже опредѣляется крайній годъ, когда могла быть сдѣлана описываемая гравюра: Шхонебекъ умеръ въ 1714 году, значитъ, она не могла появиться позже 1714 года. Но, должно быть, она сдѣлана гораздо-прежде. Въ 1714 г. Петру I было уже 42 года, а на портретѣ онъ несравненно-моложе. Нельзя приписывать портретъ даже и 1709 году: тотчасъ послѣ полтавской баталіи, бывшей въ этомъ году, сдѣлано множество гравюръ съ портретомъ Петра (одна изъ лучшихъ, того же Шхонебека, на двухъ огромныхъ склеенныхъ листахъ, представляетъ его во-время самой *полтавской баталіи*) — но вездѣ онъ старше, чѣмъ на нашемъ портретѣ. Здѣсь ему на-видъ около 35 лѣтъ, а столько именно было Петру въ 1707 году, т.-е. въ то время, когда привезенъ въ Россію и крещенъ арапченокъ Ибрагимъ. Что̀ касается послѣдняго, то, по его біографіи у Пушкина, онъ родился около 1688 года, значитъ, въ 1707 году ему было 19 лѣтъ; точно такой возрастъ и можно дать арапу на нашемъ изображеніи. Онъ былъ

любимецъ Петра, всегда и вездѣ сопутствовалъ ему — понятно, что именно этого самаго любимца — тогдашнюю придворную диковинку — долженъ былъ представить на портретѣ, дѣланномъ *по повелѣнію его царскаго величества*, около 1707 или 1708 года, гравёръ Петра I.

Теперь посмотримъ на Ѳедора калмыка. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1823 года (*№* 42, октябрь) была напечатана статья: *Русскій калмыкъ, баденскій придворный живописецъ*, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о Ѳедорѣ калмыкѣ, полученныя отъ него самого. «Ѳедоръ Ивановичъ», сказано тамъ, «о молодости своей помнитъ только то, что во-время обѣда подъ деревомъ, напали на нихъ казаки, и что одна женщина, вѣроятно, мать его, старалась всячески защитить его и отнять у похитителей. Онъ помнитъ также, что это нападеніе случилось при побѣгѣ ихъ; а сіе послѣднее заставляетъ полагать, что онъ принадлежалъ къ торгоутскому племени, которое, находясь подъ защитою Россіи, въ 1770 г. ушло къ китайцамъ. На семъ побѣгѣ, извѣстно, небольшая партія была достигнута яикскими казаками на горѣ и бо́льшею частью побита. Покровительство Екатерины II, а потомъ свидѣтельство одного русскаго офицера въ Римѣ, бывшаго при семъ нападеніи, заставляютъ полагать, что Ѳедоръ Ивановичъ былъ сынъ калмыцкаго султана или князя. По пріѣздѣ въ Санктпетербургъ, онъ окрещенъ и названъ Ѳедоромъ Ивановичемъ.» Когда ему было пять или шесть лѣтъ, императрица Екатерина II подарила

его баденской наслѣдной принцессѣ Амаліи (впослѣдствіи матери императрицы Елисаветы Алексѣевны). Молодаго калмычка стали-было учить медицинскимъ наукамъ, предназначали его въ доктора, но у него оказались вдругъ такія художественныя способности, что въ его призваніи къ искусству нѣчего было сомнѣваться. Его стали учить рисованью, живописи; успѣхи были удивительные, и его отправили въ Римъ. Здѣсь, въ короткое время, онъ сдѣлался знаменитъ, особливо послѣ того, какъ награвировалъ бронзовыя двери, съ барельефами на ветхозавѣтные сюжеты, которыя сдѣлалъ Гиберти во Флорентинскую крестильню. Лордъ Эльгинъ взялъ его съ собой въ Грецію, какъ лучшаго, въ цѣломъ Римѣ, рисовальщика, и рисунки его съ мраморовъ Фидіаса (больше 80 листовъ) хранятся теперь, какъ величайшая драгоцѣнность, въ Британскомъ Музеѣ. Остальную жизнь свою Ѳедоръ Ивановичъ прожилъ въ Карлсруэ и Баденѣ, гдѣ былъ придворнымъ живописцемъ. Онъ умеръ въ 1824 году, оставивъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ, много прекрасныхъ рисунковъ (между ними, напримѣръ, отличные рисунки музъ, рисованные имъ еще въ Римѣ и принадлежащіе нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ) и, наконецъ, что̀ гораздо-важнѣе между его произведеніями — нѣсколько превосходныхъ гравюръ. Всѣхъ лучше — его собственный портретъ, сдѣланный имъ, должно-быть, въ Англіи, по возвращеніи изъ Греціи, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Внизу англійская подпись съ 1815

годомъ; но это не годъ произведенія портрета, а только годъ изданія его въ Лондонѣ, издателемъ Кольнаги. Надпись гласитъ, что это *«портретъ Ѳедора, раба-калмыка, нынѣшняго баденскаго живописца»* и проч. Портретъ этотъ необыкновенно-высоко цѣнится художниками. И немудрено: это одно изъ чудеснѣйшихъ произведеній гравировальнаго искусства. Все въ немъ, правда, и просто и скромно; ничтò не бросается въ глаза: передъ вами только голова и бюстъ калмычкà, среднихъ лѣтъ, между 30 и 40, съ мѣховой шапочкой на головѣ—никакого фона, никакой особенной позы, никакого антуража нѣтъ у этой калмыцкой головы. Но какая жизнь, какая правда, какой колоритъ, какая свѣжесть, сила и — больше-всего, какой вкусъ въ этомъ портретѣ! Довольно одного взгляда, чтобъ почувствовать, что портретъ дѣлалъ человѣкъ съ глубокимъ художественнымъ даромъ, съ глубокимъ чувствомъ и съ великими художественными инстинктами.

Не удивительна ли судьба обоихъ оригиналовъ тѣхъ двухъ портретовъ, на которые мы сейчасъ указали? Съ далекаго Востока, изъ пустынь Аравіи, изъ степей на границахъ Китая, случай бросаетъ въ середину петербургскаго императорскаго двора двухъ маленькихъ князьковъ, одного арапа, другаго калмыка. Ихъ крестятъ въ православную вѣру, и, потомъ, по привычкамъ XVIII вѣка, назначаютъ быть чѣмъ-то въ родѣ домашнихъ собачекъ или ручныхъ чижиковъ. Но они не выполняютъ этого назначенія. Одинъ сразу стано-

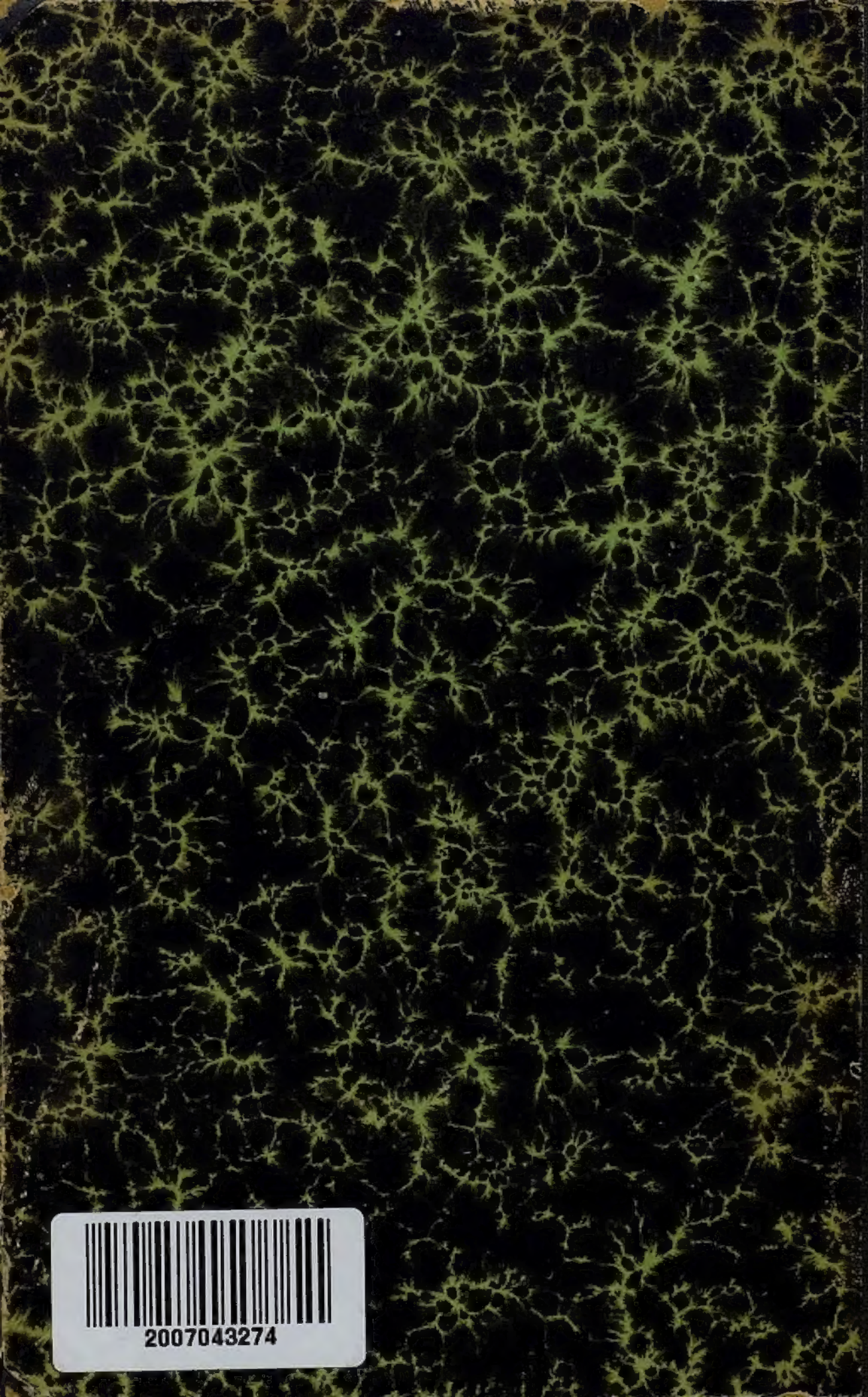
вится любимцемъ и неотлучнымъ товарищемъ Петра, человѣкомъ съ такимъ значеніемъ, что, впослѣдствіи, самъ Меньшиковъ его боится; и считаетъ нужнымъ послать его мѣрить китайскую стѣну. Мы еще до-сихъ-поръ мало знаемъ объ его участіи въ дѣлахъ петровскаго царствованія—можетъ-быть, неизвѣстныя доселѣ подробности выплывутъ наружу, благодаря начинающимся нынѣ, повсюду, архивнымъ розысканіямъ; но, кажется, и теперь уже можно ожидать любопытныхъ свѣдѣній объ арапѣ Ибрагимѣ: между любимцами петровыми не было людей ничтожныхъ. Другой вдругъ превращается въ художника съ тонкою и нѣжною поэтическою натурою, съ глубокою художественною мощью. Что̀ бы было, еслибъ обоихъ не вырвалъ случай изъ бѣдной палатки и юрты, и не уничтожилъ для нихъ и родину, и ихъ семейный очагъ, и ихъ народность? Былъ ли этотъ слѣпой случай счастьемъ или несчастьемъ для нихъ?

По-крайней-мѣрѣ, про Ѳедора калмыка знаемъ, что онъ не жалѣлъ о прежнемъ своемъ отечествѣ, и если на что̀-нибудь жаловался, то на то только, что ему не довелось прожить весь вѣкъ въ Россіи, съ русскими, которыхъ всю свою жизнь онъ любилъ отъ всей души: онъ былъ въ отчаяніи, когда, въ 1813 году, проходили черезъ Германію русскія войска̀, и онъ не въ-состояніи былъ говорить съ ними — по-русски. **в. с.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 31 августа 1861 г.
Цензоръ *Ф. Рахманиновъ.*

(Изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей *№* 191, 1861 г.)

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.


2007043274